

**РУБЦОВА
ОЛЬГА
ВИТАЛЬЕВНА**

Доцент кафедры «Возрастная психология им. проф. Л. Ф. Обуховой» факультета «Психология образования», кандидат психологических наук, руководитель «Центра междисциплинарных исследований современного детства», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

E-mail: ovrubsova@mail.ru

**«...ЧЕЛОВЕК В СИТУАЦИИ
НЕУСТОЙЧИВОСТИ ВЫНУЖДЕН
ПОСТОЯННО ПРОСТРАИВАТЬ
СОБСТВЕННУЮ ТРАЕКТОРИЮ
СОЦИАЛИЗАЦИИ»**

Экспертное интервью¹

DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-196-206

Персидская О. А.: Ольга Витальевна, время, которое проводится в сети людьми, особенно детьми, растёт все больше и больше. Как Вам кажется, почему для детей и для подростков цифровая реальность настолько притягательна?

Рубцова О. В.: Мне кажется, что здесь правомерно говорить о совокупности разных факторов. И один из них – это, собственно, сама по себе виртуальная среда. Дело в том, что виртуальное пространство – это специфический тип реальности, в котором человек может манипулировать виртуальными объектами, которые не материальны, но при этом – объективны. И это очень интересно. Если мы, например, посмотрим на любой вид искусства, мы увидим, что он строится на том, что один человек что-то воображает, фантазирует, затем он переносит это в реальность в виде какого-то художественного объекта, и другой человек это воспринимает, «достраивает» с помощью своего воображения. Причём всегда образ того, что было изначально задумано автором, отличается от того, как именно это воспринимает зритель. И, собственно, на этом построено всё искусство – на воображении, на субъективном восприятии.

Виртуальное пространство – это совершенно другая реальность. В этом пространстве мы можем совершать различные манипуляции, трансформировать его – и эти манипуляции

¹ Разговор записан 28 июня 2023 года. Интервью провела О. А. Персидская, научный сотрудник ИФПР СО РАН. Интервью проведено в рамках гранта Российского научного фонда № 21-18-00103, <https://rscf.ru/project/21-18-00103/>

будут объективными, то есть, и мы, и другие зрители будем видеть одно и то же, потому что, повторюсь, речь идёт об объективном пространстве этих манипуляций. Таким образом, сама эта новая форма очень привлекательна, она интересна, она «затягивает», потому что она позволяет действовать, позволяет творить. Это первый момент.

Второй момент – это, конечно, то, что виртуальная среда задействует все наши органы чувств. Это и зрение, и слух, сейчас уже появляются эффекты, направленные на обоняние. По сути дела, всё, что мы видим в виртуальной среде – это гипертекстовые, или, скорее, уже гипермедийные структуры – то есть, структуры, которые сочетают в себе различные эффекты воздействия. И опять-таки, это затягивает, потому что воздействует на все наши высшие психические функции, в первую очередь, на внимание, на память. Особенно, на внимание. Потому что очень многие вещи в виртуальной среде построены на том, что человек работает на пределе своих возможностей, в том числе, возможностей внимания (если говорить, например, о компьютерных играх, которые так привлекают молодежь, подростков). Сама форма привлекательна. С другой стороны, привлекательно и содержание. Дело в том, что виртуальная среда разворачивает перед молодыми людьми огромную палитру возможностей. Жизненно важная потребность подростков, например, – это экспериментирование с ролями, с образом «я», через которое происходит построение собственной идентичности. А экспериментировать в виртуальной среде намного проще, чем в реальной жизни. То есть социальные сети не случайно пользуются у молодежи, у подростков такой популярностью. И дело здесь не только в возможностях общения, коммуникации, а в возможностях осуществлять эксперименты – с ролями, с образами, с самопрезентацией. То есть в каком-то смысле эти виртуальные площадки позволяют подросткам успешно решать ключевые возрастные задачи, связанные с построением собственной идентичности.

Персидская О. А.: Спасибо. Вы так интересно рассказываете. Я заслушалась. Давайте опишем человека гиперподключенного и человека совсем не подключенного. Чем они психологически друг от друга отличаются?

Рубцова О. В.: Мне кажется уместным сказать, что цифровые технологии можно рассматривать как новое культурное средство опосредования. Сейчас очень много говорят об информационной революции, о переходе к новому типу культуры. Но, в основном, акцент делается на то, что в последние годы произошёл переход к новому ведущему средству коммуникации – от книгопечатной культуры к культуре цифровой. Так говорит теория медиа. И да, в общем-то, так и есть. Но, если, например, опираться на культурно-историческую теорию Льва Семеновича Выготского, то мы понимаем, что речь идёт не просто о новом средстве коммуникации, но о новом средстве опосредования деятельности. То есть цифровое средство – это некий новый культурный знак, который теперь опосредует практически все формы человеческой деятельности. Это и чтение, и письмо, и общение, и учебная, и игровая деятельность.

Персидская О. А.: Да, да, игровая.

Рубцова О. В.: Даже в игру детей раннего и дошкольного возраста оно проникает, т. е. в ведущую деятельность этого возраста! Причем, если опираться на теорию Л. С. Выготского, что такое ведущая деятельность? Это деятельность,

в которой происходит формирование основных психологических новообразований. А мы знаем, что все высшие психические функции являются знаково-опосредованными. И сам знак существенно влияет на то, как будут развиваться эти функции. Таким образом, мы понимаем, что у так называемого «человека гиперподключенного», то есть у человека, который постоянно с раннего возраста погружён в эти опосредованные формы деятельности, имеются специфические особенности того, как развивается его психика, его высшие психические функции и процессы.

Сейчас, на самом деле, не так много исследований, которые позволяют уверенно говорить о том, что специфика развития высших психических процессов у современных детей заключается в том-то и том-то. Мало ещё накоплено эмпирических данных. Но, определенно, мы можем говорить, что у «человека гиперподключенного», даже в силу самого факта, что он постоянно «включен» в опосредованные формы взаимодействия, высшие психические функции имеют свою специфику, свои характерные особенности развития. Это первый важный момент.

Второй момент касательно «человека гиперподключенного» – это, наверное, то, что он выводит нас на тему социализации, цифровой социализации. «Постоянная подключённость» делает нас всех сильно похожими. То есть, мы все развиваемся в одном информационном поле, в одном информационном контексте. Можно взять дошкольника 4-х лет из России и откуда-нибудь из Африки, из Канады – у них найдутся общие темы для разговора, потому что они взаимодействуют с похожими культурными образцами, смотрят одни и те же мультфильмы, знают одних и тех же героев.

Персидская О. А.: Они смогут обменяться какими-то мемами и понять друг друга, и уже ниточка будет завязана, дальше покатится само собой.

Рубцова О. В.: Да, они смогут понять друг друга. Хотелось бы ещё отметить, что «человек гиперподключенный», я бы сказала, это – человек парадоксальный. Он, например, не принадлежит уже к какому-то одному географическому месту, или социальному кругу – он, как бы, «везде» и при этом – «нигде». Это человек невероятно общительный, публичный, он постоянно находится на информационной «сцене». А при этом, это человек очень часто одинокий, разочарованный в реальности. Я бы сказала, что основная характеристика «человека гиперподключенного» – это как раз такого рода парадоксы: «публичное – приватное», «индивидуальное – социальное», и так далее.

Персидская О. А.: Ольга Витальевна, наблюдение интересное очень. Я немножко этот вопрос разовью. Можем ли мы сказать, что человек, ребёнок, у которого уже внесены некоторые изменения в его модели опосредования, уже не сможет существовать без цифрового устройства, или сможет, но с трудом? И, может быть, будет какой-то процесс, если позволите сказать, ломки физической или ментальной в случае, если он лишится своих цифровых посредников. Может ли быть такое или нет?

Рубцова О. В.: Вы знаете, здесь, на мой взгляд, возможна аналогия с книгой. Сначала к человеку неговорящему пришёл язык. Человек научился говорить, и он уже не может жить без языка. Потом появилась печатная книга. Сразу произошла революция, вот та самая информационная революция. Уже не было пути назад. То же самое и здесь. Культурное средство опосредования

изменилось, оно вошло в жизнь, оно поменяло привычные практики взаимодействия, и, конечно, теперь уже нельзя вернуться к старым формам. То есть, по сути дела, существование в этой информационной культуре без гаджетов уже трудно себе представить. У любой информационной революции есть своя логика «развёртывания». То есть, она происходит не в один день: раз, средство поменялось, и произошла революция. Она разворачивается постепенно. Сначала появляется новое средство, потом оно какое-то время сосуществует с другими, более ранними средствами опосредования. Затем оно начинает их вытеснять...

Персидская О. А.: Да, конкурируя в какой-то степени...

Рубцова О. В.: ...и порождая новые практики. По сути, посмотрите: в 80-е, 90-е годы, что было? Это была так называемая эпоха персонального компьютера: «один человек – один компьютер». Нам нужно было подключиться к интернету, зайти в электронную почту, посвятить какое-то время работе онлайн, затем «выйти» оттуда. А сейчас уже совершенно другая история: мы постоянно «погружены» в эту смешанную реальность. У нас в пределах руки по несколько разных гаджетов: от электронного кошелька до смарт-часов. То есть нам уже, наоборот, нужно сделать усилие, чтобы найти, так сказать, «чистую», ничем не опосредованную реальность. И дальше, по всей видимости, этот процесс будет двигаться в сторону всё большего стирания границ между реальным и виртуальным. Что такое смешанная реальность? Это, как раз, состояние, когда реальные и виртуальные объекты сосуществуют и взаимодействуют в режиме реального времени. Так что, куда-то туда мы все движемся.

Персидская О. А.: Да, поняла вас. Спасибо большое. Было для меня, кстати, очень ценным замечание о том, что, действительно, цифровизация не вошла и не случилась одномоментно. Это был процесс развёртывания, достаточно сложный. Но, тем не менее, тот процесс, который позволил цифровым устройствам очень плотно встроиться во все процессы человеческой повседневности. И, наверное, говорить о том, что, мол, давайте, возьмём, отключим виртуальную реальность – это сейчас утопия, потому что это невозможно.

Рубцова О. В.: Да.

Персидская О. А.: Давайте теперь про социализацию немного поговорим. Галина Владимировна Солдатова пишет о том, что процесс социализации изменяется, что на смену ей приходит цифровая социализация. Мы, со своей стороны, как антропологи, философы, задаёмся вопросом, можно ли вообще коммуникацию в сети, которая, собственно, эту социализацию и создает, считать коммуникацией в собственном смысле слова? Потому что есть суждение о том, что цифровая среда представляет собой некую превращённую форму социальной среды, это не по-настоящему, это какая-то игрушка. И, соответственно, какая там может быть социализация, если сама по себе социализирующая среда социальной не является? Это другая точка зрения, которая противоположна той, что фиксирует Галина Владимировна. А каково Ваше суждение на этот счет? Можно ли нам говорить о цифровой социализации? И если да, то, соответственно, что Вы понимаете под этой самой цифровой социализацией?

Рубцова О. В.: Мне кажется, здесь, на самом деле, два вопроса в одном.

Персидская О. А.: Да, а может, и больше.

Рубцова О. В.: Главный вопрос, в принципе, про то, как изменилась социализация в привычном понимании. Понимаете, если говорить исторически, то раньше процесс социализации заключался во «встраивании» человека в существующую систему социальных отношений, т. е. цель социализации заключалась, фактически, в адаптации к социальной среде. Человек «заточивался» под определённую социальную роль, социальную функцию. Условно, в средневековье, если ты родился в семье ремесленника – быть тебе ремесленником, родился в семье воина – быть тебе воином. И социализация была жёстко привязана к социальным институтам.

Персидская О. А.: Да-да.

Рубцова О. В.: Можем взять советское время. Ясли, сад, школа, техникум, ВУЗ – была очень жесткая привязанность процесса социализации к социальным институтам, причем «социализированность» как результат социализации – была на всю жизнь. Ты выучился, ты прошёл определённый путь, ты занял определённое место, и ты там функционируешь. Процесс социализации в условиях информационного общества выглядит принципиально иначе. Сегодня речь идёт не столько об адаптации, сколько о выстраивании собственной траектории социализации. То есть человек сам проектирует свою траекторию социализации, и этот навык проектирования, эта творческая способность, если хотите, нужна человеку на протяжении всей жизни. Современный человек может всю жизнь социализироваться, он может сам «простраивать» и конструировать эту собственную траекторию, выбирая её из множества вариативных образцов. Он может достичь «социализированности», а может всю жизнь к ней только стремиться, постоянно меняя те общности, в которые он «включается». Об этом, на самом деле, писала ещё Маргарет Мид. Она говорила, что наше общество открывает перед ребенком огромную палитру возможностей: в религии ты можешь быть протестантом, атеистом, католиком, мусульманином, это ты делаешь свой выбор, перед тобой огромное количество возможностей, буквально, в любой области. При этом, как бы нет того, что называется «правильным образцом», который был в традиционных культурах. Правильный образец остался в прошлом. Есть предельная вариативность, и критерием того, что правильно, является сам индивид, сам человек. Это он – хозяин собственной социализации. И в этих условиях совершенно другое от человека требуется. Требуются не навыки адаптации, а вот эта способность простраивать, выбирать, принимать решение. Это вообще совершенно другая схема социализации.

Теперь что касается именно цифровой социализации. Можно ли её считать аналогом социализации? Я бы сказала, что в современных условиях это неотъемлемая часть процесса социализации. Поскольку значительная часть наших взаимодействий разворачивается именно в виртуальной среде, то кибер-социализация – это просто неотъемлемая часть, это составляющая процесса социализации личности – в широком смысле этого слова. И у неё, определено, есть своя специфика, то есть она не идентична непосредственной социализации. В частности, потому что она предполагает построение кибер-альтер-эго, некой виртуальной сущности, виртуальной репрезентации человека, которая опять-таки конструируется самим человеком. Мы можем делать это кибер-альтер-эго максимально приближенным к реальному «я». Мы можем

его идеализировать, мы можем представлять его каким-то другим. Построение виртуальной идентичности – это творческий процесс, за который несёт ответственность сам индивид.

Таким образом, есть два аспекта: первое, это то, что в информационном обществе кардинально меняется процесс и логика развёртывания социализации, и второе, это то, что цифровая социализация, безусловно, становится важной и неотъемлемой составляющей этого феномена.

Персидская О. А.: Ольга Витальевна, у меня два уточняющих вопроса по этому материалу. Скажите, пожалуйста, как Вы разводите понятия социализации и индивидуализации? Потому что у меня создалось некоторое впечатление, что, когда мы говорим о том, что в цифровой среде человек социализируется со значительной опорой на свои персональные личностные потребности, желания, мотивации, то мы, скорее, говорим об индивидуализации, о процессе обретения какой-то составляющей собственной идентичности, а не о социализации. Это первый вопрос. А второй такой: Вы говорите о кибер-идентичности как о некотором феномене, как мне показалось, отдельном от человеческой личности. О таком цифровом двойнике. Я правильно Вас поняла или неправильно? Поясните, пожалуйста.

Рубцова О. В.: Я тогда, наверное, прямо со второго начну.

Персидская О. А.: Давайте.

Рубцова О. В.: Феномен цифровой самопрезентации, так называемое кибер-альтер-эго – на самом деле, очень сложный, интересный феномен. С одной стороны, безусловно, кибер-образ неотделим от личности человека, потому что это сам человек его конструирует. Но, с другой стороны, он не идентичен личности. Он не идентичен индивидууму. Хотя бы потому, что он не имеет физической репрезентации, поскольку всё-таки именно виртуальная проекция, которая конструируется усилиями личности. никоим образом мы не можем ставить знак равенства между кибер-идентичностью и реальной личностью. Это проекция, это некий конструкт, который создаёт реальный человек, пользователь. Но это не одно и то же.

Персидская О. А.: То есть Вы не сторонница мысли о том, что реальная и виртуальная идентичности очень сближаются в последнее время?

Рубцова О. В.: Они могут быть близки, когда человек хочет, чтобы его цифровая репрезентация была максимально приближена к его реальной личности. Когда он создает реальные аккаунты, реальные профили, предоставляет реальную информацию о себе. Но она может быть и совершенной другой. Человек может представляться от имени другого лица, другого пола, он может экспериментировать с образами, с аватарами. И это тоже будет цифровой репрезентацией человека. То есть человек так хочет себя представить. И в этом-то, как раз и заключается главный вопрос: есть «дельта» между тем, что «я есть на самом деле», и тем, что есть моя виртуальная репрезентация. Как раз эта «дельта» вызывает интерес исследователей эта разница, разрыв между «я реальным» и «я виртуальным».

Персидская О. А.: Вы писали об играх с идентичностью и о специфике виртуального самопредъявления, которое как раз может сильно отличаться от того, чем человек является на самом деле.

Ольга Витальевна, есть ли у Вас какие-то гипотезы или представления о том, какие факторы могут влиять на глубину, на разбежку вот этих различий между «я реальным» и «я виртуальным»?

Рубцова О. В.: Вы знаете, это, на самом деле, очень интересный вопрос. Это вопрос, который меня больше всего увлекает в отношении подросткового возраста. То есть до какой степени эксперименты с идентичностью безопасны, и кто больше всего экспериментирует? И здесь мы выходим на мою профессиональную тему подростковой идентичности, подростковой самоидентификации.

Дело в том, что самоопределение через поиск себя – это ключевая задача подросткового периода. Подросток должен «выстроить» собственную идентичность. В терминах Л. С. Выготского речь идёт о развитии самосознания. Некоторые формулируют это в понятиях «я-концепции», «образа я». По сути, это всё про одно и то же, про построение идентичности. Подросткам свойственно экспериментировать. Они конструируют собственную идентичность путём экспериментов – с образами, ролями, позициями, отношениями. И в этом смысле их невероятно привлекает виртуальная среда. Я уже упомянула о том, что подростки не случайно «сидят» в социальных сетях, играют в видеоигры. С одной стороны, конечно, их привлекает форма, но помимо формы их привлекает содержательная сторона: возможность осуществления вот этих экспериментов. У нас с коллегами была серия исследований, результаты которых показывают, что больше всего экспериментируют те, у кого идентичность размыта, не построена. Экспериментирует тот, кто ещё не ответил на вопрос, кто он. И здесь, конечно, есть какая-то грань, выходя за которую, подросток попадает в зону риска. И что здесь можно сказать, как помочь? Родители называют это «вытащить из компьютера». Говоря научным языком, вопрос можно сформулировать так: что мы можем сделать, чтобы обеспечить вот эту «культурную пробу» (мы это называем также «ролевым экспериментированием») не в виртуальной, а в реальной среде? И, для меня как для специалиста, ответ совершенно очевиден: мы должны целенаправленно создавать пространство, проектировать специальные площадки для того, чтобы подростки реализовывали эту потребность в экспериментировании. Ведь они уходят в виртуальность, потому что там находят средства решения данной возрастной задачи. Но если мы культурно построим эти пространства – в школе, в кружках, на каких-то площадках, – то мы поможем им эту задачу решить в реальной среде.

Персидская О. А.: Ольга Витальевна, правильно ли я поняла Вас, и это будет последний уточняющий вопрос здесь, что всё-таки Вы видите некоторую угрозу, идущую от виртуальной среды? Вы считаете, что подростков, ищущих свою идентичность, не следует оставлять наедине с этой средой, потому что тогда эксперимент поиска собственной самопрезентации может пойти очень далеко и стать опасным?

Рубцова О. В.: Вы знаете, я бы здесь сказала, что подростков, в принципе, нежелательно оставлять наедине с экспериментами. Не только в виртуальной среде. Потому что подросток всё-таки нуждается в том, чтобы взрослый помогал ему в его процессе социализации, в его процессе построения собственной идентичности. И поэтому здесь можно сказать, что риск от видеоигр или какого-то «залипания» в виртуальной среде абсолютно такой же,

как от того, что подросток «зависает» в каких-то дурных компаниях или где-то бесконтрольно совершают вот эту пробу – увлекаются зацепингом, ругерством, какими-то рискованными, девиантными формами поведения. Всё это – про одно и то же. Пока мы культурно не простроим подростковый кризис, как говорит Катерина Николаевна Поливанова, мы будем терять этих подростков, они будут уходить в «неконтролируемую» пробу. И, с этой точки зрения, совершенно не важно, она в виртуальном пространстве происходит или в реальном. Самое главное – что она неконтролируемая. Поэтому наша задача как общества, как родителей, как специалистов – создавать пространства, где эта проба будет безопасной, и где она будет помогать подросткам конструктивно преодолевать кризис переходного периода.

Персидская О. А.: Поняла Вас. Ольга Витальевна, получается, что следующий вопрос продолжает логику того, о чем мы начали говорить сейчас. Речь идёт об освоении культурного и социального опыта, который передаётся от взрослого ребенку. Возможно ли это освоение в виртуальной среде, как Вам кажется? Можно ли простроить в виртуальной среде какие-то структуры, которые позволят этот опыт – именно культурный, именно социальный – опосредовать?

Рубцова О. В.: Вы знаете, мне кажется, что здесь нужно придерживать-ся какой-то золотой середины. Безусловно, виртуальная среда прекрасно позволяет осваивать культурные образцы. Так же, как мы читаем книги и через них приобщаемся к культурному наследию, в виртуальной среде мы осваиваем определенный культурный опыт. И здесь, фактически, речь идёт только о том, что это несколько новая форма. Другой вопрос, что я имею в виду под золотой серединой. Очень важно, чтобы был баланс, чтобы мы не допускали полного ухода человека вот в эту виртуальность, чтобы он не отказывался от не опосредованных цифровыми устройствами форм взаимодействия. Потому что тогда это, действительно, становится уже непродуктивно, может произойти полная подмена того, что является реальным, на, скажем так, виртуальный суррогат (есть такое чудесное слово – симулякр, его использовал знаменитый французский социолог Жан Бодрийяр). Страшно, когда у подростка ничего не остаётся, кроме виртуальности. Вот в этом я вижу угрозу. Важно, чтобы человек не упускал возможность реального общения, реального взаимодействия, реального контакта. Потому что, когда это есть, то цифровая среда является просто дополнением, она дополняет то, что человек не может сделать в реальности.

И, кстати говоря, мы проводили в последнее время исследования с участием подростков, и результаты нас очень порадовали. Российские подростки в большинстве своём рассматривают виртуальную среду, виртуальное пространство именно как дополнение к реальной среде, к реальному общению. То есть они не «уходят» туда, не видят в этом какой-то единственной площадки для самореализации, и это очень важно.

Персидская О. А.: Это отрадно слышать, очень приятно. Сами понимаете, тема большая для любого родителя. Поэтому мне очень радостно слышать, что Вы пришли к таким заключениям.

Ольга Витальевна, давайте поговорим о цифровом социуме. Часто пишут о нём, встречаю эту тему всё чаще в исследованиях разных авторов. Пытаются

говорить о каких-то правилах, нормах цифрового социума и о группах, институтах, которые в нём формируются. Скажите, пожалуйста, имеет ли вообще смысл говорить о цифровом социуме? И, если имеет, то каким Вы его видите?

Рубцова О. В.: Мне кажется, здесь ещё вопрос терминологии. Есть очень много близких терминов: цифровое общество, информационное общество, цифровой социум, цифровизация. По сути дела, мне кажется, здесь речь идёт об одном и том же – об особенностях развития общества в условиях стремительной информатизации.

Один замечательный социолог, Зигмунд Бауман, говоря об информационном или цифровом обществе, использовал термин «ликвид модернити» (англ. liquid modernity) – «текущая современность». Мне близка его идея. Он говорит, что раньше была «эпоха твердых тел», для которой было характерно единообразие, отсутствие вариативности, множественности выбора. Это как раз-таки к Вашему вопросу о разнице между индивидуализацией и социализацией. Раньше социализация была частью единой фундаментальной установки: человек «встраивался» в ту конкретную социальную группу, к которой он должен был принадлежать по рождению, по обстоятельствам. Сейчас все становится именно «текучим» – всё изменчиво, никаких «твердых тел» больше нет. Жидкость постоянно находится в движении, она постоянно течёт. Отсюда появляются и другие понятия: «текущая любовь», «текущий страх». Всё текучее, всё подвижное. И в этих условиях происходит индивидуализация траектории социализации. Человек в ситуации неустойчивости вынужден сам постоянно прорабатывать собственную траекторию социализации.

Если с этой точки зрения говорить о специфике цифрового или информационного общества, то да, безусловно, она связана с неустойчивостью, текучестью, изменчивостью. И да, это своеобразие человека информационного века, информационной революции.

Персидская О. А.: Интересное суждение, спасибо. Ольга Витальевна, хотела бы сейчас переключиться на небольшой блок вопросов, которые непосредственно связаны с Вашей профессиональной специализацией. Хотела поговорить о психологии. Как Вам кажется, как меняется психология как наука в связи с тем, что человек трансформируется: становится гиперподключенным, полностью погруженным в цифровую среду?

Рубцова О. В.: Тут можно сказать словами одного известного ученого, что психология – это наука XXI века. В условиях стремительно изменяющейся социальной реальности, когда человек сталкивается с огромным количеством вызовов, именно психология становится той наукой, которая помогает человеку развиваться, творить, мыслить. Это та наука, которая помогает хотя бы каким-то образом сориентироваться в потоке происходящих событий. И, конечно, специалисты в области психологии, которые сопровождают взросление, развитие ребенка и последующее становление человека – будут всё более и более востребованы.

Вы знаете, на меня некоторое время назад огромное впечатление произвёл тот факт, что современный человек за месяц потребляет столько же информации, сколько в XVIII веке приходилось на всю жизнь. Мне кажется, одного этого факта достаточно, чтобы понять, какая колоссальная нагрузка сейчас падает на человеческую психику, на человеческие возможности, какие

сложные задачи стоят перед современным человеком. И, конечно, в этих условиях психология как наука, которая изучает своеобразие процессов развития, их исключительные свойства именно в условиях информационного общества – это наука, которая имеет большие перспективы.

Персидская О. А.: Соглашусь с Вами. И очень сложно переоценить вспомогательную функцию психологии в том, чтобы адаптироваться, действительно, ко всем изменениям, которые очень быстры и всепоглощающи.

Рубцова О. В.: Очень стремительны.

Персидская О. А.: Действительно, очень сложно зафиксировать что-то не текущее для того, чтобы зацепиться за это. Но приходится искать себя в этом текущем мире, здесь я полностью с Вами согласна и разделяю Ваши мысли.

Ольга Витальевна, мы подобрались к последнему вопросу нашего интервью. Давайте поговорим немного о культурно-историческом подходе. Если я верно понимаю, Вам близок этот подход, Вы, видимо, разделяете его основные посылы. Скажите, пожалуйста, как Вы видите развитие культурно-исторического подхода в приложении к новым проблемам и феноменам, порожденными цифровизацией?

Рубцова О. В.: Большое спасибо за вопрос. На самом деле, все вопросы интересные. Но этот мне особенно близок, потому что, конечно, мы стоим на плечах нашей отечественной научной школы, культурно-исторической психологии, деятельностного подхода. И, Вы знаете, во всем мире в последние годы фиксируется просто «бум» интереса к Л. С. Выготскому.

Персидская О. А.: Это правда, это потрясающе!

Рубцова О. В.: Я помню на одной из конференций пару лет назад представляли библиографический анализ, где сравнивалось количество упоминаний Жана Пиаже и упоминаний Л. С. Выготского в научных статьях за последние 5-10 лет. И какие-то цифры там были показаны совершенно невероятные – в пользу Льва Семеновича. Такое ощущение, как будто Выготского «открыли» заново.

Персидская О. А.: Это правда, я согласна.

Рубцова О. В.: И на самом деле, это не случайно. Потому что, опять-таки, в условиях изменения социальной реальности, изменения всех видов и форм социального взаимодействия необходимы какие-то теоретико-методологические инструменты, которые позволяли бы анализировать, что происходит с этой реальностью, как подходить к этим феноменам – психологическим, социальным, культурно-историческим. То есть нужны какие-то «очки», через призму которых можно оценивать вот эту сложнейшую социальную реальность. Как раз- теория Л. С. Выготского – это теория, которая позволяет отвечать на многие вопросы. Она, если хотите, универсальна в том смысле, что, хотя сам Л. С. Выготский жил в так называемую эру Гуттенберга и не представлял, что на смену книгопечатной культуре придёт культура информационная или цифровая, но, тем не менее, он оставил универсальные инструменты, которые могут быть применены к конкретному культурно-историческому контексту. Что это за инструменты? Это система понятий, система концептов, которые описывают процессы развития. И через эти понятия мы можем анализировать развитие в абсолютно любых культурно-исторических условиях. Эти понятия – средство опосредования, культурный знак, социальная ситуация

развития, зона ближайшего развития, система знаков – все они, как бусинки, нанизаны на «нитку» развития, они помогают описывать траекторию развития современного человека и разные её аспекты. Поэтому, мне кажется, что концепция Л. С. Выготского и его последователей будет приобретать всё большую популярность и будет помогать в условиях «текущей современности» отвечать на те сложные вопросы, которые стоят перед психолого-педагогическим сообществом.

Персидская О. А.: Полностью согласна с Вами, Ольга Витальевна. Мне повезло не так давно брать интервью у Бориса Даниловича Эльконина. И он тоже подчеркивал, буквально, в тех же выражениях, словах, что и Вы, чрезвычайную гибкость культурно-исторического подхода и его способность адаптироваться к любой социально-культурной ситуации, которая только может возникнуть. Здесь я вижу пересечение между Вашими мыслями и его мыслями. Мне кажется, здорово, что ещё один такой мостик перекинут сейчас.

Ольга Витальевна, спасибо Вам большое за интервью. Мне очень было приятно с Вами познакомиться и пообщаться. Очень горжусь этим знакомством.

Рубцова О. В.: Спасибо Вам, Ольга Алексеевна! Всего доброго! До свидания.